

В деревне снова только и было разговоров, что о местной детворе. Гоудань — хотя нет, какой теперь Гоудань, величать надо Ли Каем! — да Ван Сюань умудрились сдать экзамены лучше всех. Шутка ли, во всей начальной школе коммуны они утерли нос даже чиновничьим отпрыскам, тем самым, что кормились за казенный счет. Сами деревенские не особо понимали разницу между первым классом и выпускным, но уяснили главное: их мальчишки, сыновья простых гряземесов, добывающих хлеб из земли, уродились со светлыми головами.

Взять хоть Гоуданя: отец его, Ли Сы, собственного имени отродясь написать не умел, а какого смышленного малого вырастил! Настоящее-то имя, Ли Кай, появилось у мальчишки только в школе. Учитель рассудил, что звать ученика Гоуданем на уроках негоже, и подобрал ему солидную замену, созвучную с именем Ван Сюаня. Так у парня наконец появилось человеческое имя.

У остальных родителей на душе кошки скребли: как так, у этого проходимца сын оказался умнее их собственных оболтусов, да еще и первое место занял? И пускай сейчас грамотеи были не в чести, в глубине души каждый завидовал учености. Не зря ведь в городе на заводы брали только с полным школьным образованием, а неграмотных и на порог не пускали.

Но чтобы Гоудань... От кого-кого, а от него никто не ожидал.

Впрочем, дальше досужих сплетен дело не заходило. Книжная премудрость казалась крестьянам делом далеким, чуждым. Дети их ходили в школу разве что отметить, чтобы потом вернуться в родную деревню и продолжить дело предков. Земля — вот что было осязаемым, понятным и близким.

Но даже с такими мыслями Гоудань и Ван Сюань хоть на время, да превратились в глазах соседей в тех самых «образцовых сыновей», которых вечно ставят в пример собственным лоботрясам.

Тем временем мальчишки изо всех сил старались запастись припасами до наступления зимних холодов.

Есть ли у тебя деньги в кармане, засыпано ли зерно в закрома — небу все равно. Небесная канцелярия ни под кого подстраиваться не станет, и дни стремительно катились к зиме, принося с собой пронизывающую стужу.

Хвороста ребята натаскали изрядно, однако тонкие ветки прогорали вмиг, тепла от них почти не было. Видя это, Ли Сы потратил два дня на то, чтобы притащить из леса тяжелые сухие пни да коряги.

Да и дырявая крыша давно требовала ремонта. Выпросив в бригаде охалку свежей соломы, Ли Сы перекрыл ветхую кровлю, сбросив старый, слежавшийся в труху настил. Попутно заменили подгнившие балки, а в местах, внушавших особые опасения, подставили крепкую подпорку.

Когда морозы окончательно сковали землю, Ли Кай наконец примерил зимнюю куртку, которую сшил для него Ван Сюань. Из всех драгоценных шкур тот придирчиво отобрал парочку невзрачных, выбрав мех похуже да погрязнее с виду, дабы не привлекать лишнего внимания. Обычные ножницы этот чудо-мех не брали — лезвия просто тупились. Пришлось Ли Каю достать из своих запасов вороненные ножницы, а шить пришлось особыми иглами и нитями, отыскавшимися там же, в пространственном кармане.

С первым снегом мир вокруг укрыло белым саваном. Обрадованный Ли Кай тут же натянул обновку. Куртка оказалась на диво теплой, да только радость быстро угасла: верх согревало знатно, а вот снизу сквозило так, что зуб на зуб не попадал. На ногах у него по-прежнему красовались легкие резиновые вьетнамки. Стоило ледяному ветру дунуть посильнее, как пальцы обожгло резкой, будто от удара ножом, болью. Ли Кай задрал голову к хмурым тучам.

«Ах ты, чертово небо!»

Потоптавшись на месте, он пулей влетел обратно в дом.

Ван Сюань тут же обернулся к нему:

— Ну как? Тепло?

Ли Кай уныло кивнул.

— Тепло-то тепло, да только все, что ниже пояса, окоченело.

— Штаны я шить еще не умею, — вздохнул Ван Сюань. — Это куда сложнее, чем просто подкладку к куртке прилаживать.

Опыт, как известно, дело наживное. Ван Сюань, глядя на посиневшего от холода названного брата, едва сдерживал смех. Редко выпадала возможность увидеть, как деятельный Ли Кай пасует перед трудностями.

Земля промерзла насквозь. Согнать людей на полевые работы в такую пору было задачей почти невыполнимой. Все помнили, как пару лет назад колхозников заставили жечь костры на полях, чтобы отогреть почву и копать каналы. Идея оказалась глупой и бесполезной: работы выполнили с гулькин нос, зато половина деревни слегла с лихорадкой.

Ветхая одежонка от стужи не спасала, и каторжный труд на морозе превращался в чистой воды самоубийство. И ладно бы ради дела, но крестьяне недоумевали: если государство народное и заботится о каждом, зачем гнать людей на верную гибель ради красивых отчетов?

Человеческая воля, конечно, способна сворачивать горы, но сама плоть бrenна. За каждым

великим проектом тех лет тянулся длинный след из безвестных могил.

Дверь распахнулась, впустив в комнату облако морозного пара и заставив парней поежиться. На пороге показался Ли Сы, съжившийся, втянув голову в плечи и спрятав ладони в рукава.

Ли Кай даже головы не поднял от своего занятия:

— Опять на работы погонят?

— Пока не ясно, велели ждать указаний, — Ли Сы торопливо присел у очага, протягивая онемевшие пальцы к спасительному пламени.

На улице свирепствовал буран, но в натопленной, на совесть отремонтированной избе было тепло и уютно.

Ли Кай лениво почесывал за ухом изрядно подросшего пса Дагуая. Отец посмотрел на эту картину, и у него аж зубы занули от досады: надо же, обычная дворняга, а устроилась сытнее и теплее любого человека! Ван Сюань даже умудрился соорудить для собак какие-то нелепые попоны из старого тряпья, а саму будку доверху набил отборной сухой соломой. Тьфу, уму непостижимо!

Толку от этих дармоедов никакого, только лают по ночам без причины, пугая честной народ. И ведь попробуй выставить их во двор — мальчишки сразу в штыки!

Ли Сы до сих пор передергивало при воспоминании о том, как псы спали вместе с ними на одной лежанке-кане. То, что будки в итоге перенесли в дом, было величайшим компромиссом, на который согласилась детвора. Иначе эти шерстяные бестии так и не слезли бы с печи. Людям-то одеял не хватает, а тут еще с собаками делиться! С ума сойти можно.

— Завтра свиней колоть будут, — подал голос отец.

Государственный план по сдаче мяса бригада выполнила, однако с зерном вышел недобор. Старый староста рассудил, что негоже оставлять людей голодать ради красивых отчетов начальству, а потому решил сдать зерна меньше положенного. «Пусть ругают, — думал старик, — на старости лет и не такое вытерпишь».

За недоимки пришлось расплатиться дополнительной тушей, так что на долю деревни осталось совсем немного. Но даже скромная пайка позволяла надеяться, что каждая семья наконец-то увидит на столе настоящее мясо.

При одной мысли о жирной свинине у троих обитателей дома потекли слюнки. В те суровые годы по мясной пище тосковали не только дети, но и взрослые. Полакомиться свининой раз в год — великое событие, настоящий праздник.

— Сало — вот самая драгоценность! Разве ж постная вырезка сравнится с добрым шматом жира? — приговаривал мясник Чжан, ловко орудуя тяжелым тесаком.

Дележ туши шел строго по уставу бригады: каждому двору причиталась равная доля отменного мяса и костей похуже.

Впрочем, крестьяне не привередничали. Рады были всему — даже кусок свиной печени считался деликатесом. Но если выпадала возможность выбирать, каждый тянулся именно к жирным кускам.

Сало ценилось не только за вкус. Его перетапливали на смалец, который заменял растительное масло на долгие месяцы вперед. Достаточно было слегка мазнуть палочкой по горячей сковороде, чтобы еда не пригорала и котелок не ржавел.

А оставшиеся после вытопки шкварки становились лучшим лакомством для детворы. Настоящая безотходная роскошь!

— Дядя Чжан, выделите нам кусочек получше, а? — заискивающе улыбнулся Ли Кай.

— А тебе какой надобно? Ты только покажи, вмиг отрежу, — добродушно отозвался великан, которому явно льстило такое простое и доверительное отношение мальчишки.

— Да на ваше усмотрение, дядя Чжан. Я вам полностью доверяю!

Мясник мысленно усмехнулся. Парнишка определенно пришелся ему по душе. В молодости Чжан вместе с отцом объездил все окрестные уезды: кололи скотину на свадьбы и поминки, подрабатывали калымом. Повидал он немало, и пускай теперь частный промысел был под строжайшим запретом, жизненный опыт подсказывал старому мастеру: такие смысленные ребята, как этот Гоудань, в любых условиях не пропадут и свое возьмут.

Мясник прекрасно помнил, как этот малец из семьи Ли Сы заставил понервничать всю округу, пропав в горах на двое суток. Другая детвора сейчас пихалась локтями, устроив настоящую потасовку из-за надутого свиного мочевого пузыря, который заменял им мяч. И лишь Ли Кай держался в стороне, равнодушный к ребячьим забавам.

К тому же профессия наложила отпечаток на внешность Чжана: суровый взгляд из-под кустистых бровей и грубые черты лица частенько доводили деревенских малышей до слез, да и взрослые предпочитали не спорить с ним без нужды. Но этот парнишка ни капли его не боялся. Подобная смелость не могла не вызывать уважения.

— Ладно, разбойник, цени мою щедрость. А то эти крикуны вечно косятся, будто я их обвесить норовлю.

Движения мясника были точными и уверенными. Одним взмахом тяжелого ножа он отделил шмат грудинки с идеальной пропорцией костей, сала и мяса. На весах стрелка замерла ровно на положенной отметке — точность ювелирная.

Вес-то у всех выходил одинаковый, да вот только качество кусков разнилось. Чтобы избежать ссор и зависти, сельсовет постановил распределять пайки вслепую, по жребью. Разница в весе была копеечной, так что все уповали лишь на удачу — вдруг попадется шмат пожирнее.

Ли Кай переложил свою долю мяса и два куска темной свиной крови в тяжелый глиняный таз и всучил его Ван Сюаню.

Тот крепко перехватил тяжелую ношу. Ван Сюань прекрасно понимал, что названному брату не терпится остаться у разделочных столов, и не стал возражать. Пусть себе глазеет, если интересно, а для него самого куда важнее было поскорее унести добычу домой.

Ли Кай же ходил за мясником буквально по пятам. Тот, заметив живой интерес мальчишки, принялся со знанием дела объяснять тонкости ремесла: как правильно свежевать тушу, где подрезать жилы, на какие суставы делить скелет. Чжан говорил обстоятельно, а Ли Кай впитывал каждое слово как губка.

Кое-кто из толпы удивленно перешептывался. Разделка туш в те времена считалась ценным ремеслом, и старые мастера неохотно делились секретами с чужаками. С чего вдруг угрюмый Чжан стал так легко распыляться перед ребенком? Неужто прослышал про успехи мальчишки на экзаменах и решил подмазаться к будущему ученому мужу? Иначе такое дружелюбие и объяснить было трудно.

Самого Ли Кая корыстные помыслы не заботили — им двигало чистое любопытство. Он завороченно наблюдал, как мясник парой точных взмахов разделяет огромную тушу. Попадись на его место неумеха — превратил бы мясо в бесформенное месиво.

В его собственном пространственном кармане хранилось немало великолепных клинков и мечей. Прежний хозяин, безымянный настоятель храма, величал их своими «трофеями и коллекцией», хотя в представлении Ли Кая это было обыкновенным мародерством и воровством. Имелись там, впрочем, и личные шедевры покойного даоса.

Глядя, как тесак в руках Чжана беспрепятственно скользит сквозь плоть, отделяя сухожилия от костей, Ли Кай не мог сдерживать восторга. Инструмент казался естественным продолжением руки мастера, двигаясь легко и непринужденно.

Глаза мальчишки лихорадочно блестели. Родись он на сорок лет позже, непременно воскликнул бы: «До чего же это круто!»

Чжан нет-нет да и косился на странного паренька. Что за диковинное дитя? Мало того что не пугается вида крови, так еще и на острые ножи смотрит с вожделением. Задавал толковые

вопросы, ни разу не поморщившись при виде требухи.

Когда Ли Кай наконец вернулся домой, Ван Сюань уже успел переделать кучу дел. Вытопленный свиной жир он аккуратно перелил в глиняный кувшин для хранения, кости отправил томиться в котел на печи, а постную вырезку щедро пересыпал крупной солью — на морозе солонина могла храниться вечно.

Ли Кай продрог до мозга костей, кончик носа совсем онемел и казался чужим. Едва переступив порог, он потянулся к жаркому пламени очага, но Ван Сюань тут же перехватил его руки:

— Стой, братец! Нельзя сразу к огню. Сперва разотри хорошенько лицо и пальцы, а то кожа слезет.

<http://bllate.org/book/19654/1988478>